

Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни

Л. П. Потапов

В Музее Антропологии и Этнографии, как и в Государственном Музее Этнографии, в Ленинграде хранится значительная коллекция предметов, характеризующая кочевой быт казахов. Коллекция представляет большую научную ценность, как источник для изучения истории народной культуры казахов, кочевой быт среди которых исчез только после Октябрьской революции. До этого времени народная культура казахов отличалась весьма своеобразными чертами и сохраняла древние элементы и традиции, порожденные кочевым образом жизни. Изучение этой еще недавно бытовавшей народной культуры казахов имеет большое и разностороннее значение. Известно, что современная, социалистическая по содержанию и национальная по форме культура казахского народа в течение трех десятилетий своего развития в условиях советского государственного строя, достигла поразительных результатов. За этот короткий срок она прошла гигантский путь от самых отсталых патриархально-феодалных форм быта до самых передовых социалистических, достигнув уровня культуры наиболее передовых народов СССР и опередив, в этом отношении, многие западноевропейские буржуазные государства. Понять и осмыслить этот грандиозный процесс можно только при сравнительном историческом изучении казахской народной культуры как современной, так и дореволюционной.

Изучение дореволюционной народной культуры казахов представляет научный интерес и для уяснения общего облика и деталей оригинальной культуры ранних кочевников Южной Сибири и Казахстана, сложившейся в I тысячелетии до н. э., дошедшей до нас преимущественно в археологических памятниках. Оно поможет установить пути и формы развития культуры ранних кочевников и выявить ее особенности, вызванные кочевым образом жизни. Это изучение позволит также показать то многое ценное и полезное, что создал казахский трудовой народ в течение своей многовековой истории, в результате опыта многих поколений, что может

быть сохранено и развито и теперь. Вот почему мы решили опубликовать данный очерк, построенный в значительной мере на изучении этнографических памятников казахской народной (а не байско-султанской) культуры, хранящихся в наших музеях.¹

Основным занятием казахов являлось до революции кочевое и полукочевое скотоводство.

• Кочевое скотоводство было распространено к югу от 49-й параллели и основывалось на пастбищном выпасе скота в течение круглого года. Такая своеобразная система пастбищного хозяйства сложилась и могла существовать в условиях многоземелья, в условиях наличия громадных и редко населенных пространств, пригодных для разведения скота и могущих доставлять последнему корм. Содержа свои стада на подножном корме, казахи были принуждены менять пастбища по мере того, как они выбивались и истощались, и, таким образом, двигаться с места на место в течение всего года. Такой способ содержания скота был известен в восточной части центральной Азии с глубокой древности. Так, например, ранние китайские летописные известия, относящиеся к первому тысячелетию до н. э., приписывают его гуннам, а более поздние жужанам (начало V в. н. э.), тюркам тугю (VI в.) и уйгурам (IX в.). По этому поводу в упомянутых источниках о скотоводах обычно говорится: „Переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде“.² Это постоянное кочевание со стадами с целью обеспечения скота кормом нельзя представлять себе как беспорядочное случайное отыскивание пригодных летних или зимних пастбищ. Напротив, все, кто занимался наблюдением за перекочевкой казахов, единодушно пишут об особых правилах перекочевки, выработанных многовековым опытом. Эти правила построены на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года, на знании качества, питательности травяного корма в отношении того или иного вида скота.³ Следовательно, нужно подчеркнуть, что у казахов выработалась правильная система кочевания, учитывающая климатические условия каждого данного года или сезона, предусматривающая специальные разведки в отношении состояния травы и наличия воды. Уже ранней весной, как только появлялись и зеленели прогалинки на высоких местах, казахи снимались со всем своим скарбом и жилищами с места последней зимней стоянки и перегоняли скот на первые зеленые лужайки. В дальнейшем переходы, обычно с юга на север, совершались не только в зависимости от того, оставался или был выбит корм, но и в соответствии с тем, в какое время и где удобнее было перейти встречающиеся

¹ Номера коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР всюду оговорены специально под шифром МАЭ, коллекций Государственного Музея этнографии — ГМЭ.

² И а к и н ф. История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. СПб., 1851 (см., например, стр. 2, 251, 268).

³ См., например: М е й е р. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. 1863; Н. З е л а н д. Киргизы. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., кн. VII, Омск; А. И. Д о б р о м ы с л о в. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895; Вост. обзор., № 40 за 1885 г., и др.

реки или преодолеть песчаные пространства, до того пока еще на них не выгорела растительность и т. д. Определенные группы казахов, объединенные административным, экономическим или каким-либо другим признаком, шли обычно определенными путями, обходя и стараясь не выбивать корм, например, на местах, удобных для зимних пастбищ, либо принадлежащих другим кочевым группам, либо захваченных в наследственное частное пользование султанами, баями. По мере наступления осени казахи приближались к местам зимних пастбищ, наилучшими из которых считались луговые и камышевые местности, особенно защищенные от ветров или с малоснежным покровом. Чтобы сохранить зимой весь скот, казахи в местах глубокоснежных или в случае затвердения снежного покрова пускали осваивать пастбище сначала лошадей, которые легче разрывают и разбивают глубокий и твердый снег, поедая при этом верхушки травы, а затем пускали следом крупный рогатый скот, если таковой имелся, как неспособный к разгребанию снега копытами, поедавший середину стеблей, и последним пускали мелкий скот, овец и коз, которые, как и лошади, разбивают снег копытами. Последнему и доставалась нижняя часть травы, оставленной лошадьми и крупным рогатым скотом. Вообще же лошадей пасли зимой там, где пастбища в летнее время не были выбиты, где меньше снега и где он обычно бывает мягким, не покрываясь ледяной коркой. Состоятельные и богатые казахи отправляли табуны лошадей зимой в поисках корма с пастухами за десятки и сотни километров от своих зимних стоянок.¹ Для мелкого скота старались выбирать прогалинки, с которых в зимнее время снег выдувается ветром, обнажая траву. В тех случаях, когда баранов было не очень много, а снег был настолько глубок, что бараны не могли добраться до травы, в снегу рыли рвы, куда и помещали баранов на подножий корм.² В горах зимой баранов пасли в низких солончаковых местах, либо в местах, где росла маленькая курчавая полынь (мык джусан).³ Наиболее подходящими зимними пастбищами для крупного рогатого скота считались луговые и камышевые места. Для верблюдов же выбирали места, где произрастали „чий караган, кияк, кокпек и разные солонцевые травы“.⁴ Не будучи в состоянии при существовавшем тогда уровне развития хозяйства воздействовать на природу научными, агротехническими приемами, казахи, стремясь обеспечить урожай травы на пастбищах, применяли с этой целью некоторые примитивные меры. Осенью они, например, пускали палы „уртень“ по сухой траве, выжигая значительные пространства, полагая, что весной на этих местах трава появится раньше, чем в других.⁵

¹ М. Чорманов. Заметки о киргизах Павлодарского уезда. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., XXXII, 1906, стр. 4; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ. 1762 г., Оренбург, 1877, стр. 208; В. Герн. Из записной книжки, стр. 22.

² М. Леваневский. Очерки киргизских степей (Эмбенского уезда). Землеведение, 1894, кн. IV, стр. 124.

³ М. Чорманов, там же.

⁴ Там же, стр. 2, 4.

⁵ В. Л. Герн. Из записной книжки. Памятная книжка Семипалатинской обл., 1899, стр. 64, 67, 68.

Заготовка корма у кочевников-казахов производилась в крайне незначительных размерах и не имела решающего значения для скотоводческого хозяйства. Значение такой заготовки ограничивалось лишь подкормкой скота в отдельных случаях. Например, заготовленный простым вырыванием камыш или накошенная трава шли на подкормку наиболее слабых животных в конце зимы, именно тех, которые были не в состоянии самостоятельно добывать из-под снега подножный корм. Далее, как и кочевники первых веков нашей эры,¹ казахи особенно заботились о тучности своих лошадей. С этой целью они подкармливали их корнями вырванной степной осоки „киак“, предварительно изрубив последние в мелкие куски. Лошади быстро поправлялись и даже жирели от подкормки.² Отсутствие сколь-либо серьезных запасов корма на зимнее время делало скотоводство казахов целиком зависимым от природных условий. И когда последние оказывались неблагоприятными, казахское кочевое скотоводство несло огромный урон. Затянувшаяся или глубокоснежная зима, гололедица и т. п. явления приводили к массовому падежу скота, пасущегося на подножном корму. Если в уже упоминавшихся китайских хрониках можно встретить указания относительно таких стихийных бедствий у кочевников в общей форме, вроде: „выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей“,³ то в отношении казахов имеются довольно точные данные, позволяющие судить о размерах подобных хозяйственных потрясений кочевников. Так, например, в одной только б. Тургайской области в неблагоприятную зиму 1879/80 г. пало 1 528 679 голов скота, что составляет 42% от количества всего скота, имевшегося в области, а потери скотоводства казахов этой области за суровую зиму 1891/92 г. составили 1 198 451 голову скота. При этом нужно иметь в виду, что тяжесть этих потерь у казахов нес мелкий скотовод, так как богачи помимо того, что они частично запасали корм, были в состоянии покупать его и таким образом сохранять свои стада. Для мелких скотоводов такое бедствие означало полное разорение, голод и ставило их в экономическую зависимость от богачей. Богачи сохраняли значительную часть своих стад, преимущественно лошадей, еще потому, что, имея всегда большое количество зависимых от них бедняков-пастухов, они разбивали свои стада на отдельные табуны, которые паслись под надзором пастухов в самых различных районах, удаленных друг от друга на сотни километров. Вот почему стихийные природные явления местного характера, например исключительно глубокий снег, влекли за собой ущерб только для некоторой части стада богача-казаха.

Кочевой способ ведения скотоводческого хозяйства у казахов весьма влиял на видовой состав стада. Первостепенное значение здесь, как

¹ См., например, речь китайского министра в начале IX в. по поводу угрозы Китаю со стороны уйгуров (Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 91).

² М. Леваневский, указ. соч., кн. II—III, стр. 96.

³ Иакинф, указ. соч., I, стр. 419; Ср. про гуннов: „Зимой в земле хуннов выпал глубокий снег; почему от стужи и голода много скота пало“ (Иакинф, I, стр. 47; см. также стр. 55, 63, 65).

и у древних кочевников, имела лошадь, как наиболее подвижная из всех видов скота. Количество лошадей исчислялось и измерялось богатство и знатность казаха-кочевника подобно тому, как у древних тюрков-кочевников владение лошадьми составляло экономическую основу власти: „Мало-помалу очень разбогател лошадьми: почему объявил себя ханом“, — повествует китайская летопись о тюркском кагане Гудулу, объединившем кочевников-тюрков.¹

Роль лошади у кочевников определялась ее огромным хозяйственным значением. Прежде всего лошадь является наиболее выносливым и приспособленным животным для пастбищного способа кормления в течение круглого года. Разведение лошадей делало хозяйство чрезвычайно подвижным. В несколько часов кочевое селение могло переменить свое местопребывание, было ли то вызвано угрозой нападения врага, отправлением ли в поход или грабительским набегом, стихийным ли бедствием и т. д. Лошадь являлась не только транспортным средством, позволяющим вести кочевой образ жизни, или орудием охоты при облавах на зверей; она доставляла кочевнику вкусное питательное мясо, хорошо поддающееся консервации в летнее время, молоко, из которого изготовлялся любимый с древнейших времен до наших дней напиток — кумыс, волос для изготовления столь необходимых кочевнику прочных арканов-верев, кожу для обуви, сухожилия для прочных ниток и т. п. Вот почему конь у казахов, как и вообще у кочевников, занимает такое важное место и в эпосе, где он выступает как друг и верный помощник богатыря, героя и часто как спаситель. Конь наделен человеческими свойствами: способностью мыслить, разговаривать, советовать и т. д. Вот почему конь играет значительную роль также и в песенном творчестве казахов. Отражением исключительного значения коня в жизни кочевника-казаха нужно объяснить и то обстоятельство, что казах-кочевник вместо слов „справа“ и „слева“ иногда говорил: „Сторона, с которой садятся на лошадь“, и „сторона, на которой держат нагайку“.² Язык казахов содержит обилие слов для обозначения мастей лошадей и их тончайших оттенков. Наиболее парадным блюдом для угощения гостей, особенно гостей почетных, у казахов считалось конское мясо. Конь являлся у казахов и мерилем ценности: он обязательно входил в уплату калыма за невесту, составлял ценный приз при скачках, шел в уплату штрафа.

Богатство кочевника исчислялось прямо пропорционально количеству лошадей, которых он имел.

Исключительно важное хозяйственное значение у кочевых казахов имела также овца, оцененная кочевниками еще в глубокой древности. Она разводилась с целью наиболее быстрого получения запаса мяса и жира, шерсти и шкур и даже помета, служившего топливом в безлесной степи. Овцы доставляли казахам, как и кочевникам южной Сибири и Казах-

¹ Иакинф, I, стр. 322. Именуемый в китайских хрониках Гудулу выступает в турецких рунических надписях под именем Ильтерес-кагана.

² А. И. Добромислов, указ. соч., стр. 76.

стана во II и I тысячелетиях до н. э., столь важный в быту кочевника материал, каким являются войлок и овчины. Изделия из войлока (покрытие жилища, постели, потники под седла, мешки и т. д.) и овчины, из которых изготовлялась теплая одежда, играли главенствующую роль и вместе с другими изделиями из шерсти и кожи определяли в основном домашний материальный быт кочевников-казахов.

Существенное значение для кочевников-казахов, кочевавших южнее 51—50-й параллели, имело разведение верблюдов, так как севернее указанной широты верблюды не выносили зимних условий.¹ Разведение верблюдов позволяло кочевникам-казахам освоить обширные песчаные места, почти бесплодные. Исключительная выносливость верблюда в качестве вьючного животного, неприхотливость в пище, в соединении с продуктивностью его в смысле доставления шерсти, молока и мяса, делали разведение верблюдов для кочевников-казахов весьма существенной отраслью скотоводческого хозяйства. У нас нет точных указаний о том, когда именно возникло разведение верблюдов в южной Сибири и Казахстане. О древности его можно судить только по некоторым косвенным данным. Среди нескольких изображений по р. Енисею, относящихся к периоду ранних кочевников, имеется изображение верблюда.² Среди отдельных находок бронзовой культуры в Минусинском крае имеется рельефная бронзовая бляшка, изображающая всадника верхом на верблюде.³ Видимо, верблюдоводство относится к периоду ранних кочевников.

Менее существенной отраслью скотоводства у казахов являлось разведение крупного рогатого скота. Кости быка и коровы встречаются на территории Казахстана в погребениях Андроновского культурного этапа (период бронзы), задолго предшествовавшего периоду сложения кочевничества. Однако скотоводство того времени существовало в условиях оседлой жизни, благоприятствовавшей разведению крупного рогатого скота. С переходом же древних обитателей Казахстана к кочевому скотоводству разведение крупного рогатого скота было вскоре же оттеснено на задний план, а в степях, вероятно, было вытеснено окончательно разведением лошадей и мелкого рогатого скота. О сравнительно недавнем разведении крупного рогатого скота говорят и данные, полученные рядом исследователей. Мейер сообщает, что казахи раньше не разводили крупного рогатого скота, и приводит указание о заимствовании его от кара-калпаков (на Сыр-дарье). Причину такого отношения к крупному рогатому скоту указывает Добромыслов, ссылаясь на воинственный и подвижной образ жизни казахов, при котором набеги с целью угона скота, перекочевки на большие пространства были обычным явлением. При таких

¹ По старому административному делению (конец XIX в.) верблюдов разводили преимущественно в южной и средней части „Степного края“, по берегам оз. Балхаш и в долине р. Чу (В. Л. Герн, указ. соч., стр. 32).

² Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, S. 4, Abb. 73, 74, 84, 83.

³ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Мат. по этнографии, т. IV, вып. 2, стр. 49, 53.

обстоятельствах разведение крупного рогатого скота, как малоподвижного, менее выносливого, не могущего тебеневать, становилось помехой кочевому образу жизни в тех условиях, ибо рогатый скот часто погибал или доставался врагу.¹ Тот же Добромыслов приводит данные, из которых следует, что, например, киргизы Тургайской области (территория которой соответствовала величине территории Кавказа и Закавказья, взятым вместе) еще в половине XIX в. разводили крупный рогатый скот в очень небольшом количестве и называли его: „кара мал“, „сасык мал“, „жаман мал“, „пшук мал“, что значит дурной, вонючий, плохой, курносый скот.² Разведение крупного рогатого скота при кочевом скотоводстве затруднено тем, что последний плохо переносит пребывание на зимних пастбищах, не в состоянии совершать частые перекочевки, требующиеся особенно зимой, когда корм быстро выбивается численно превосходящими животными (лошадами и овцами). Изложенное разъясняет тот перевес лошади над коровой в средней и южной части Киргизской степи, о котором писали некоторые исследователи еще в конце XIX в.³ Однако с переходом казахов на полукочевой образ жизни с постоянными зимовками, с сокращением размеров кочевания и развитием оседлости появилась возможность разведения крупного рогатого скота, которое приняло в северных районах Казахстана крупные размеры уже в конце XIX в. Здесь в качестве выючного и упряжного транспортного животного выдвинулся бык. Кроме того, здесь откармливали быков на продажу. Разница между кочевым и полукочевым казахом в составе стада в том и состояла, что у первого крупный рогатый скот вовсе отсутствовал или содержался в крайне незначительном количестве, а у последнего крупный рогатый скот являлся преобладающим видом скота.

Кочевым характером скотоводства объясняется отсутствие у кочевников-казахов закрытых или открытых помещений, пригонов для скота, чтобы избежать гибели молодняка. Казахи-кочевники регулировали случку различных пород скота с таким расчетом, чтобы молодняк появлялся весной с наступлением тепла и свежего подножного корма. Поэтому, например, самцам баранам и козлам, наклонности к случке у которых проявляются в июле, августе и сентябре, подвязывали к половым органам войлочный предохранитель „кујок“, подвешиваемый на плетеной веревке, который механически препятствовал половому акту.⁴ Предохранитель снимали в конце октября или начале ноября. В противном случае ягнение приходилось бы на зимние месяцы, что при таком способе хозяйства, который описан выше, привело бы к массовой гибели ягнят. Верблюдов, утробный период которых длится 12 месяцев, случали в марте, апреле.

¹ А. И. Добромыслов, указ. соч., стр. 170; П. И. Рычков пишет о том, что коровы „в степях тебенить не могут, для того киргизы мало их и содержат, и у самого богатого более двадцати не бывает“ (указ. соч., стр. 208).

² Ср.: Сборн. „Казахи“, I, Изд. Акад. Наук, 1927, стр. 71.

³ Вл. Герн, указ. соч., стр. 19.

⁴ В коллекциях Гос. Музея этнографии в Ленинграде (ГМЭ) такой предохранитель зарегистрирован под № 3373-22. См. также колл. МАЭ, № 1287-46.

⁴ Сборник МАЭ, т. XII

Кочевым способом ведения скотоводческого хозяйства у казахов, при котором скот пасся стадами в открытой степи, была вызвана необходимость метить или таврить его особым тавром — тамгой. Метки делали на ушах жеребят, ягнят, верблюжат.¹ Кроме того, на бедро лошади ставили выжиганием на шерсти знак владельца — тамгу, который раньше был родовым.²

Основным орудием труда кочевого скотоводства у казахов являлись седло, аркан и „суйюл“ — длинный деревянный шест, с привязанной большой петлей (из волосяной веревки) для поимки лошадей.³

Не имея понятия о настоящей медицинской помощи больному скоту, кочевые казахи все же применяли некоторые приемы лечения, выработанные опытным путем народной медициной. При этом интересно, что большая часть этих приемов относилась к лечению лошади, что должно быть признано характерным для кочевников. Опухоли у лошади лечили прикладыванием к разрезу на опухоли зерен и корня какого-то растения.⁴ От болезни живота поили порошком из сушеной шкурки змеи, растворенным в воде.⁵ При ранении спины лошади надевали на шею особый снаряд — „мойнагаш“, мешающий ей расчесывать рану.⁶ Для удаления червей, заводящихся у овец в ранах под хвостом, употреблялась заостренная палочка.⁷

Кочевой образ жизни казахов вызвал у них существование ряда подсобных занятий, приспособленных к обслуживанию кочевого хозяйства и быта. Если постоянное передвижение по степным и горным просторам сталкивало казахов с представителями животного и пернатого мира этих областей и вызвало к жизни охоту на них ради мяса, шкуры, меха, то приемы этой охоты получили особый характер, связанный с кочевым скотоводческим хозяйством. Здесь получила преобладающее развитие верховая охота, преследование зверей на лошади с нагайкой в руке, с копьём, луком или ружьём, с укрюком — длинной гибкой палкой с петлей из волосяного аркана на тонком конце, с ловчими птицами: беркутом и различными ястребами, с гончими собаками.⁸ Этот вид верховой

¹ Метки на ушах лошадей известны у кочевников Алтая уже в I тысячелетии до н. э. (М. П. Грязнов. Пазарыкский курган. М.—Л., 1937, стр. 23).

² О тамгах см.: Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах и т. д. Живая старина, 1894, III—IV.

³ Колл. ГМЭ, № 3378-8, суйюл, длиной 3 м.

⁴ Колл. ГМЭ, № 3378-46 — зерна растения для лечения опухоли лошади 3378-42, 43 — кусочки какого-то горного растения для лечения опухоли у лошади.

⁵ Колл. № 3378-45 — джиган тересе — шкурка змеи для лечения лошади.

⁶ Колл. 3378-15 — „мойнагаш“ представляет два сбитых деревянных креста, связанных волосяной веревкой; у одного креста привязана веревка для скрепления обоих при надевании снаряда. См. также колл. МАЭ, № 1287.

⁷ Колл. 4532-5, длина 24 см.

⁸ М. Леваневский. Очерки киргизских степей. Земледелие, 1894, кн. IV.; Назаров. Фил. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб., 1821; М. Чорманов, указ. соч.; П. И. Рычков, указ. соч.

охоты, известный нам по некоторым археологическим памятникам танского времени (618—907 гг.), принадлежащим кочевникам южной Сибири (могильник Кудурге на Алтае), доставлял казахам мясо для питания, шкуры для одежды. Так, например, охота на диких лошадей „куланов“ (*Asinus hemionus* Pall.) подкарауливанием у водопоя или весной с укрюками, верхом на скакунах давала высоко ценимое по вкусу мясо, кроме того кожу, необходимую в хозяйстве кочевника хотя бы для изготовления посуды.¹ Известны случаи поимки куланов с целью одомашнения их.² На уток и гусей охотились почти исключительно с ловчими птицами, при помощи последних (беркутов) ловили и лисиц, корсаков (*Vulpes corsac* L.), зайцев и даже волков и диких коз.

Земледелие у кочевников отсутствовало. Оно играло подсобную роль для полукочевых казахов-скотоводов, имевших постоянные зимовки, вокруг которых сосредоточивались посевы, и затем у богачей, где оно имело фуражное значение, так как последние, особенно в северных районах Казахстана, отходили от чисто пастбищного способа кормления скота.

В числе занятий кочевых казахов существенное место занимали различные промышленные занятия, имевшие домашний характер и игравшие большую роль при кочевом образе жизни. Среди них нужно указать прежде всего на изготовление войлока, получившего в повседневной жизни кочевника-казаха огромное значение. Войлоком казах-кочевник покрывал свое жилище, войлок служил ему постелью, войлочные ковры украшали внутренность юрты. Войлок был необходим при заседлывании лошади, ибо он смягчал давление седла, предохранял спину лошади от стирания, впитывал пот при быстрой езде. Из войлока шили мешки, футляры для посуды, необходимые при перевозке ее вьюком и т. д. Производство войлока было развито уже в I тысячелетии до н. э. у ранних кочевников южной Сибири и дошло до нас в виде сохранившихся, например, в некоторых курганах Алтая отдельных изделий из различного по качеству войлока, порой окрашенного. У казахов войлок делали преимущественно из овечьей шерсти. Овец стригли два раза в год — весной и осенью. Шерсть, получавшаяся от весенней стрижки, называлась „джабага“ (от 1 до 2 кг с овцы). Под этим же названием были известны овечья и верблюжья шерсть, которая хлопьями отделяется весной сама. Качество этой шерсти считалось невысоким, и из нее, предварительно сваляв, делали армяки, мешки, попоны для

¹ М. Леваневский, указ. соч., стр. 122; П. И. Рычков, указ. соч., стр. 206; М. Чорманов, указ. соч., стр. 12.

² М. Леваневский, там же.

³ Об охоте с ловчими птицами: беркутом, различными ястребами и соколами, о приемах воспитания, обучения этих птиц, об их породах в связи с различными охотничьими качествами см. у М. Чорманова, М. Леваневского, П. И. Рычкова, Назарова в цитированных выше работах. В coll. ГМЭ имеется „томага“ — кожаный головной колпачок для беркута, украшенный сердцевидными серебряными пластинками. Размер колпачка 10×9 см. Coll. № 1471-40 и № 1471-41 — выкройка колпачка „томага“ из бумаги. Акмолинская обл., Петропавловский у.

лошадей, а бедняки шили шубы, покрывая их армяком из бараньей шерсти.¹ Шерсть осенней стрижки считалась лучшей по качеству и шла на изготовление войлоков, особенно наиболее ценимых белых войлоков. Для того чтобы получить войлок в 2,5 м длины и около 2 м ширины, требовался настриг в среднем от 25 овец. Шерсть весенних ягнят стригли впервые месяца через 4 после рождения, обычно в июле, и из нее выделявали узорчатый войлок. Верблюжью шерсть стригли один раз в год и различали два основных ее сорта: „джабага“, свалившаяся в войлок на теле, и „чуда“ или „шуда“ — длинная шерсть головы, шеи, колен. Из джабага делали шубы и одеяла, из чуда получали прочные нитки для шитья войлочных и кожаных изделий.

Как и древние кочевники южной Сибири, казахи красили шерсть в различные цвета, применяя для этого растительные красители. В коллекциях Гос. Музея этнографии находятся следующие растения, употреблявшиеся казаками в качестве красителей шерсти: *Anabasis aphylla*, *Statice Gmelini*, *Peganum harmala*.² В этнографической литературе еще упоминается корень растения „тумар буяу“, которым казахи также окрашивали шерсть.³

Сам процесс изготовления войлока был довольно прост и составлял женскую работу. Овечью шерсть, иногда мытую после стрижки, а иногда и не мытую, клали на конскую или бычью сухую кожу (тулак) и разбивали ее тонкими прутьями. Когда шерсть делалась пушистой, ее накладывали ровным слоем на циновку нужного размера, поливали горячей водой и закатывали в трубку вместе с циновкой. Затем разворачивали циновку, снова смачивали шерсть горячей водой и опять закатывали в трубку, но уже без циновки, и снова катали по земле, делая это несколько раз, пока не получали войлок желательной толщины и плотности. Таким образом, орудиями труда при изготовлении войлока являлись деревянные прутья (сабау), циновка из камыша и женские руки. Такая техника, не требующая ни сложных приспособлений, ни громоздких орудий труда, вполне соответствовала кочевому образу жизни. При такой технике сделать войлок можно было везде и всюду, в любое время, для этого нужно было только нагреть воду.

Такой же простотой и первобытностью отличалась и выделка кожи. Выделяли кожу преимущественно кислым подсолненным молоком „айраном“. Конская кожа кисла в айране около месяца, затем ее очищали ножом, высушивали и мяли. Овчины и кожу жеребят смачивали айраном в течение недели по 3—4 раза в день, затем сушили, чистили от остатков жира, от приставших кусочков айрана зубчатой палкой (ирен) и затем мяли. Кожа верблюда и быка выделялась по способу конской. Мяли кожу либо при помощи специального снаряда „талкы“, либо

¹ В колл. ГМЭ под. № 1471-35 имеется образец „джабага“ — зимней стрижки, длина 225, ширина 54 см. В колл. МАЭ джабага под № 1287-54 овечья и под № 410-17 — верблюжья.

² Колл. ГМЭ, № 4532-41, 42, 43.

³ М. Леваневский, указ. соч., Землеведение, 1894, кн. III, стр. 47.

овчину клали под дверь юрты на неделю, чтобы каждый входящий наступал на нее, и таким образом кожа разминалась. Талки состояли из высокой деревянной рогатки с зазубринами и длинного деревянного шеста также с зазубринами в нижней части и небольшой рогатиной в верхней.¹ Казахи-кочевники умели окрашивать выделанную кожу при помощи различных красок. Имеется указание, что краску под названием „кыбыгу“ разжевывали во рту и оплеывали ею кожу, которая окрашивалась в темномалиновый цвет.²

Подобно древним кочевникам южной Сибири, казахи широко использовали волос, преимущественно конский, для плетения веревок и арканов, столь необходимых при кочевой жизни. Они делали арканы для привязывания и поимки из табунов лошадей, длиной свыше 20 м,³ различные веревки для завязывания вьюков, для привязывания скота⁴ и т. д.

Кочевники-казахи сами изготовляли и деревянные изделия, необходимые в скотоводческом хозяйстве. Это были: деревянные части кочевого жилища, основы седел, подставки для кумыса, ящики-сундуки, посуда (чашки, корытца, ложки, черпаки) и т. п. Орудиями для выделки деревянных предметов были маленький топорик — тесло, нож, сверло, толстая палка „тесь“, с прорезью в верхнем конце, для сгибания палок, составляющих остов крыши юрты.⁵

Обзор домашней промышленности кочевников-казахов можно закончить указанием на ткацкое и кузнечное дело. Ткачество у кочевых казахов было в зачаточном состоянии. У них не было ткацкого станка в полном смысле этого слова, но имелась основа, берда, ниченки и челнок для утка, державшиеся на основе-треноге, а основа натягивалась параллельно земле между двумя колышками, вбитыми в землю.⁶ Такой станок в силу его легкости, портативности вполне соответствовал особенностям кочевой жизни казахов. Казахи ткали широкие ленты для обвязывания жилища⁷ и выделывали из верблюжьих ниток узкое грубое сукно для верхней одежды.⁸ Слабое развитие ткачества у кочевых казахов компенсировалось изготовлением одежды из кожи, овчин и, особенно, путем обмена продукции скотоводческого хозяйства на готовые ткани, завозимые кочевникам с глубокой древности торговцами из Средней Азии, Китая и России.

¹ Колл. ГМЭ, № 3378-84 а, б.; колл. МАЭ, № 1287-60 — инструмент для выделки кожи.

² М. Чорманов, указ. соч., стр. 21—22.

³ Колл. ГМЭ, № 3378-7; 5525-43; 3378-2, 3, 4.

⁴ Колл. МАЭ, № 1710-8; 1287-43.

⁵ Колл. ГМЭ, № 3378-80. Бурго-сверло, состоящее из двух колышков, вбиваемых в землю, сверху связанных веревкой, и вставленного между ними валика с зарубками по поверхности и вбитыми железными остриями на концах; употребляется для сверления прутьев стен юрты. Колл. МАЭ, № 410-36 — топорик.

⁶ Колл. МАЭ — веретена № 3188-6,7; 410-22, 23, 128; 413-12; ткацкие станки № 689-1; 1287-16, 17, 18; 410-6, 8 — для тканья овечьей и верблюжьей армячины.

⁷ Колл. ГМЭ, № 5525-23, 24, 25, 26, 27, 29, 32; 4532-21; колл. МАЭ, № 1752-2, 3; 1287-51, 52; 439-5; 689-5.

⁸ Колл. МАЭ, № 410-2, 3 — армячина верблюжья; 410-4 — армячина из верблюжьей и овечьей шерсти; 410-5 — армячина из овечьей шерсти.

Кузнечное дело у кочевых казахов также носило скромные размеры и было подчинено потребностям кочевой жизни.

При посредстве самых незатейливых и немногочисленных инструментов, легко уместяющихся в небольшой кожаной сумке, перекинутой через седло, казахи-кузнецы умели делать из железа ружья, сабли, копыя, топоры, тесла, ножи, таганы, ножницы, удила, стремяна, пряжки для подпруг и т. д.¹

Вместе с этим казах-кузнец являлся и серебреником, удивительно чисто и искусно выделывавшим серебряные бляхи для уздечек или поясов, серебряные стремяна, седла и вообще всю конскую сбрую, головные уборы для невест (саукеле). Как видно из сделанного перечня, почти весь ассортимент изделий кузнеца-серебреника был приспособлен к удовлетворению потребностей кочевого хозяйства и быта казаха.

Чтобы закончить рассмотрение технической базы скотоводов-кочевников, необходимо еще остановиться на вооружении и средствах передвижения.

Кочевой, воинственный образ жизни, постоянные набеги в целях овладения скотом и т. д. вызывали у казаха необходимость быть постоянно вооруженным. Так оно и было еще в недавнее время. Еще в половине прошлого столетия, например, у зауральских казахов вооружение было обычным и состояло из топоров на длинной рукоятке — чеканов (айбалта), пики (найза), шашек (клыч), кремневых ружей, луков и стрел. Казахи прекрасно владели оружием, они украшали им кибитку.²

Из приведенного перечня оружия видно, что значительная часть его была приспособлена для верхового вооружения. Лук был сложным, стрелы с железными наконечниками, с оперением на хвосте. Колчан имел деревянный остов, был оклеен кожей, украшенной с лицевой стороны тисненным растительным орнаментом.³

К вооружению кочевника-казаха необходимо отнести толстую плетью „камчы“, назначение которой не ограничивалось тем, чтобы погонять коня. Плетью били лисиц на охоте, плетью били врагов и т. д.⁴

В качестве старинного оружия для защиты стад от воров-барантачей и от волков у пастухов висела на левой руке „союл“ или „соил“ — палка с утолщением из корня на одном конце и петель из ремешков для прикрепления к седлу, длиною свыше 2 м на другом.⁵ При грабежах этой палкой убивали людей. Союл одновременно служила и укрытием, т. е. приспособлением для ловли лошадей из табуна.⁶ В качестве оборони-

¹ Колл. МАЭ, № 410-93 — мехи кузнечные, длина 116 см, ширина 47 см.

² Мейер, указ. соч., 1865, стр. 73, колл. МАЭ, № 410-39 — пики; 3313-112, 116 117, 119 — боевой топорик; 410-38 — то же.

³ См. колл. ГМЭ, № 5280-1 — колчан со стрелами. Длина колчана по переднему ребру 60 см, по заднему 47 см. Максимальная ширина внизу 14,5 см, длина ствола 71 см, оперения 16,5 см. Размер железного наконечника 3,5 × 1,4 см; № 5280-2 — налучник из толстой кожи орнаментированной.

⁴ См. колл. ГМЭ, № 1471-36, 37; 4532-1; колл. МАЭ, № 1749-4, 5; 313-115.

⁵ Колл. ГМЭ, № 1062-107.

⁶ Снаряд для ловли лошадей в виде жерди, около 5 м длиной, с арканом, привязанным петлею на конце, известен под названием „каррок“ (колл. ГМЭ, № 1062-108).

тельного оружия от барантачей казахи еще употребляли аса и чохпар.¹ Аса представлял собой длинный деревянный шест, один конец которого заканчивался железным наконечником и длинным острием, а другой конец его был обхвачен железной обоймой и заканчивался шарообразным деревянным расширением. Чохпар весьма близко походила на союл и представляла собою длинную деревянную палку, с одного конца незначительно суживающуюся, а с противоположного — расширенную.

Зависимость материальной культуры от кочевого образа жизни особенно ярко проявилась у казахов в отношении средств передвижения, которыми у них являлись разводимые домашние животные. Среди последних главное значение должно быть признано за лошадью. Освоение лошади в качестве основного и главного вида транспорта было связано у кочевников с рядом крупных изобретений, к которым нужно отнести прежде всего изобретение удила, затем седла и стремени. Эти изобретения были усовершенствованы, а частью и открыты в период ранних кочевников. Удила окончательно покорили лошадь. Значение седла в жизни кочевника трудно переоценить. Седло со стременем позволяло кочевнику-казаху легко совершать длительные и быстрые переезды, облегчало возможность верховой охоты, предохраняло спину лошади от повреждений и т. д. Вот описание казахских седел: „Древнее киргизское седло массивное, тяжелое, с вертикально стоящей, широкой, полукруглой передней лукой и высокой и также широкой, незначительно назад наклоненной, задней спинкой; передняя и задняя стороны седла, как и луки, покрыты посеребрённым железом, разукрашенным разнообразными вызолоченными или посеребрёнными бляшками; сидение обито кожей... Новое киргизское седло, довольно легкое, имеет рогообразную переднюю луку, согнутую своим широким концом вперед; задняя спинка низкая, с значительной наклонностью назад; сиденье расширяется к заду; верхняя часть седла обита кожей“.² Казахское верховое седло имело нагрудник и подхвостник, широкую и прочную подпругу из ремня, застегивающуюся на пряжку с язычком. Это делало его весьма устойчивым на спине лошади даже в условиях горной местности. Под седло клался войлочный потник, верхняя сторона которого обычно покрывалась кожей. Стремена прикреплялись к седлу ремнями с пряжками для регулирования их длины.³ Стремена были преимущественно железные, хотя встречались и деревянные.⁴ Подушка седла делалась из войлока, обтягивалась кожей и пристегивалась к деревянной основе седла специальным ремнем, а иногда и подпругой. Узда плелась из тонких ремешков и имела железные удила, из двух звеньев, четырехгранной формы. При вьючении лошади делались два вьюка, примерно равного объема и веса,

¹ Колл. ГМЭ, № 3378-81 и 82.

² А. И. Добромислов, указ. соч., стр. 114, 115.

³ Колл. МАЭ, № 2451-1 — седло; 2451-2, 3 — подхвостник; 1459-9, 10 — тебеньки; 1287-53 — подпруга; 2451-4 — пояс ременный с медными бляшками для привязывания подушки седла; 5235 — нагрудный ремень от седла.

⁴ Колл. ГМЭ, № 1062-109; колл. МАЭ, № 410-40.

перебрасывались через седло, на бока лошади, и привязывались еще специальными арканами, чтобы во время движения лошади они были неподвижными. Большое значение, как вьючное животное, имел верблюд. Для вьючения одногорбого верблюда употреблялось специальное седло „ашамай“, снабженное подхвостником и нагрудником, предохранявшее горб от трения грузом. Двугорбые верблюды вьючились без седла, но им клали на спину для защиты от трения войлочную подушку, набитую камышом и имеющую отверстие для надевания на горбы. Верблюжий вьюк состоял из пары продольных вьюков, перекинутых через спину и лежащих на боках. Предельная длина этих вьюков была такой, что она не мешала свободному движению шеи верблюда. Колесный транспорт в виде арбы и употребление в качестве транспортного животного быка не имели сколь-либо существенного значения у кочевых казахов и должны быть отнесены к особенностям культуры полукочевых казахов.

При характеристике особенностей материальной культуры в области домашнего быта казахов-кочевников необходимо подчеркнуть, что и здесь кочевой образ жизни наложил свой своеобразный отпечаток. Прежде всего это сказалось на жилище, его форме, материале, конструкции, внутреннем убранстве и т. п. Необходимость часто менять местожительство в связи с постоянным кочеванием заставила кочевников-казахов постепенно выработать особый переносный тип жилища, являющийся одним из наиболее ярких признаков кочевого быта. У казахов это была легкая и довольно прочная юрта, которую можно быстро разобрать, навьючить на нескольких верблюдов или лошадей и быстро, в один час, установить по приезде на новое место. Она состояла из деревянного остова (кереге), в виде нескольких звеньев складной деревянной решетки (из гнутых палок, скрепленных ремешками), поставленных по окружности и связанных между собой. Остов крыши делался из длинных гнутых палок (ук), привязанных к кереге загнутыми концами, а прямыми вставленными в отверстия деревянного круга (чангарак), служившего дымоходом и источником естественного освещения юрты. Решетка и уки, составляющие крышу, делались из тальника, как дерева наиболее легкого, а дымовой круг, к которому предъявлялись требования особой прочности, — из березы. Двери юрты состояли из деревянной рамы, вставленной между концами решеток, замыкавших круг, и из одной или двух створок самих дверей. К деревянным частям казахской юрты нужно еще отнести березовую палку, „бокан“ (в больших юртах их было несколько), подпирающую дымовой круг с целью сделать юрту более устойчивой при сильном ветре. При постановке юрты с наружной стороны ее еще обставляли кругом циновкой, плетеной из высокой степной травы, называемой по-казахски „чий“. Покрывалась юрта кошмами-войлоками, выкроенными определенным образом. Войлочное покрытие юрты состояло из следующих частей: а) „туурлык“ из 4 квадратных широких кусков, покрывавших решетку-кереге и гнутую часть палок „ук“; б) „узюк“ из 2 частей, каждая в виде трапеции, покрывала крышу, спускаясь на туурлык и вверху доходила до дымового отверстия; в) „тюдюк“ — четырех-

угольная кошма, набрасывалась на дымовой круг, передвижкой ее регулировалось дневное освещение в юрте.¹ Дверь покрывалась с наружной стороны куском белой кошмы „есык“, обычно орнаментированной. Кроме того, в качестве материала для юрты нужно назвать шерстяную тесьму для связывания между собой стенных решеток, иногда орнаментированную геометрическим узором,² и различные шерстяные шнуры, плетенные из цветной шерсти, с введением в них для прочности белого и черного конского волоса, украшенные иногда кистями с бахромой.³ Особо следует отметить шерстяную тесьму, широкую, нередко прекрасно орнаментированную геометрическим узором⁴ или изображением верблюдов и лошадей, которой обвязывают войлочное покрытие юрты снаружи.⁵

Таким образом, доброкачественное кочевое жилище казахов, в котором они жили в течение круглого года, было не только портативным, легким, но и защищающим от дождя, ветра, стужи и жары и, следовательно, в значительной мере соответствовало условиям кочевой жизни. Ставилось и разбиралось такое жилище быстро и всегда в определенном порядке. Изготовление большинства необходимых частей этого жилища было доступно рядовому среднему хозяйству в пределах его собственных сил. В качестве топлива в безлесных местностях употребляли овечьи помет „кий“, ценившийся у казахов вследствие этого довольно высоко.

Еще более легким и портативным было жилище пастуха „кош“ или по другому произношению „кос“. Оно состояло из 3 небольших решеток, поставленных в круг; жерди—ук, образующие остоу крыши, не вставлялись в круг — „чангарак“, а укреплялись сверху в простой крестовине; поэтому крыша „коша“ была конусообразной. Кош покрывался кошмой. С этим легким жилищем пастухи следовали за стадами зимой и летом, согреваясь у костра, разведившегося посредине.

Кочевое поселение у казахов иногда сохраняло старинную особенность в расстановке жилищ по кругу, хорошо известную нам для монголов XI—XII вв.⁶ Внутри круга или полукруга, образованного поставленными жилищами, загоняли на ночь домаший мелкий скот и верблюдов.⁷

Обычно юрта казаха-кочевника служила ему не только жилым, но и хозяйственным помещением и в случае нужды, например ранней холодной весной, помещением для ягнят, жеребят, телят, верблюжат. Так как размеры обычной кибитки не были велики (20—30 кв. м),

¹ Подробное описание казахской юрты неоднократно приводилось в научной литературе. См. например: Маковецкий. Юрта. Летнее жилище киргиз. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., 1893, XV, вып. 3; колл. МАЭ, № 439-1 — кереге; 439-12 — уки; 493-13 — „бокан“ для поддержки дымового круга, резной, старинный; 439-4 — дымовой круг — чангарак; 439-6, 7 — кошменные покрывки юрты; 439-3 — косяки дверей.

² Колл. ГМЭ, № 5525-23, 24, 25.

³ Колл. ГМЭ, № 5525-29.

⁴ Колл. ГМЭ, № 5525-26, 27, 32.

⁵ Колл. ГМЭ, № 4532-21.

⁶ Владимирцев. Общественный строй монголов, стр. 37.

⁷ Казахи, т. I, стр. 16, 71.

то размещение в ней различной утвари и инвентаря, размещение самих обитателей было возможным только в силу того, что юрта делилась на определенные части, закрепленные обычаем, где каждый обитатель обоего пола точно знал свое место в юрте, где для каждой вещи также было строго определено свое место. Разумеется, это достигалось, как это будет показано дальше, и экономией в смысле размера, объема и количества вещей, составляющих обстановку кочевого жилища. Юрта казахов-кочевников делилась в основном на две половины: на правую от входа — женскую и на левую — мужскую. Видимо, такое деление является отражением принадлежности в древности жилища женщине. При матрилокальном браке мужчина переселялся в род жены и жил в ее жилище. Свежим пережитком этого явления нужно признать обычай кочевников-уйгуров, у которых молодожены, по сообщению китайской летописи Суйской династии (589—618), после свадьбы отправлялись жить в дом родителей жены до появления у них и вскармливания грудью первого ребенка, после чего жили в своем доме.¹ У казахов пережитки этого сохранялись в обычае давать в приданое дочери кочевое свадебное жилище „отау“, в котором молодые жили некоторое время после свадьбы, после чего уже переходили в менее нарядную, но более просторную юрту мужа.² Таким образом, у казахов холостой юноша жил до женитьбы в юрте отца, а при женитьбе переселялся на некоторое время в юрту жены, которую она привозила в качестве приданого, и затем обзаводился собственной юртой и выделялся из хозяйства отца. Стало быть, жилище при матрилокальном браке у казахов принадлежало женщине, с утверждением же патрилокального брака женщине принадлежало уже только свадебное жилище. Некоторым намеком на это можно считать и то обстоятельство, что супружеская постель в юрте кочевника-казаха до последнего времени находилась на женской половине.

На этой же половине, сразу же у входа, обычно за перегородкой из чия, помещалась кухня и кладовая. Здесь стояла различная посуда и хозяйственная утварь, особенно связанная с молочным хозяйством, хранилось мясо подвешенным к кереге, кумыс и кислое молоко в специальной посуде и т. д. На левой, мужской стороне, сразу же у входа лежали седла, верховая сбруя. На этой же стороне висело охотничье оружие, жили ловчие птицы, и ночевали борзые собаки. У дверей же ютился в холодную погоду молодой, только что родившийся скот. Прямо против входа находилось почетное место „тёр“, или передний угол. В нем у стены юрты стояли деревянные сундуки в кошменных чехлах, поставленные один на другой, или же кожаные и кошменные сумки с одеждой, украшениями и прочим наиболее ценным домашним скарбом кочевника. В переднем углу принимали почетных гостей. Часто женщины сидели в переднем углу в стороне, примыкающей к женской половине. По середине юрты находился очаг,

¹ Д. Позднеев. Исторический очерк об уйгурах. СПб., 1899, стр. 41.

² Ф. [А.] Фиельструп. Свадебные жилища турецких народностей. Мат. по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926.

где стоял трехногий таган. Таково было в общих чертах внутреннее деление жилища кочевых казахов. С скромные размеры жилища, необходимость постоянных передвижений со всем скарбом оказали влияние на количество, размеры и материал вещей домашнего обихода. Посуда и утварь делались из небьющегося материала: кожи, дерева, войлока, продолговатой формы, небольшого размера, пригодных для перевозки вьюком. Преобладание кожаной посуды разъясняется из условий скотоводческого хозяйства, приспособленного к условиям безлесной местности, к условиям степей. В изделиях из кожи у казахов сказалось умение кочевника использовать полностью все, что дает скот, включительно до желудка, кишек и брюшины. Из посуды нужно отметить прежде всего мешки-сосуды из цельной, очищенной от волос и продымленной кожи лошади (саба), барана (торсук) и других домашних животных, для хранения кумыса, кислого молока и т. п. жидкостей.¹ У богачей сосуды „саба“ для кумыса иногда были огромных размеров, емкостью до 100 ведер (из 10 лошадиных шкур). Предназначались они для хранения кумыса при большом стечении гостей.² Из невыделанной кожи шили также ведра для зачерпывания воды из колодца, подойники для доения кобылиц, цилиндрической формы с длинным носиком у верхнего края (также из кожи) в форме трубки, загнутой книзу, с веревкой из конского волоса вместо дужки.³ Кожа с головы лошади снималась чулком, чолка и уши оставались на дне, веки зашивались, края отверстия, обрезанные выше рта лошади, выворачивались наружу, и сквозь них пропускалась ременная петля, позволяющая раскрывать и сжимать отверстие сумки.⁴ В такой сумке хранили разную мелочь. Снятие шкуры чулком было одним из распространенных способов изготовления кожаной посуды в виде мешков-сосудов, сумок (мехом внутрь) для хранения чайной посуды.⁵ В овечьих сушеных желудках хранили масло, из брюшины делали ведерки для хранения сметаны, кишки также употреблялись для хранения молочных продуктов.⁶ Типичной кочевнической посудой нужно признать кожаные бутылки с узким горлом, предназначенные для хранения различных напитков во время верховой езды, прикрепляемые к седлу.⁷ В большом употреблении у кочевых казахов была и деревянная посуда, удобная для перевозки. Из нее нужно отметить долбленные ведерки с вставным дном

¹ Колл. ГМЭ, № 1062-80 — турсук для кумыса, высота 46 см; 1062-78 — саба, размеры 46 × 56 см (нижняя часть широкая, четырехугольной формы), высота 77 см, емкость около 5 ведер, горло сосуда узкое, завязывается шерстяным шнурком; колл. МАЭ, № 410-25 — саба; 411-10, 17, 28 — турсуки.

² М. Леваневский, указ. соч., стр. 91.

³ Колл. ГМЭ, № 1062-83 — „ковга“ — ведро из невыделанной кожи; 1062-81 — водопойник для доения кобылиц, высота 28 см, диаметр 25 см; колл. МАЭ, № 1710 — ведро кожаное.

⁴ Колл. ГМЭ, № 4532-26; высота сумки 35 см, ширина по краю 29 см.

⁵ Колл. ГМЭ, 1062-84, размеры 24 × 18; № 4532-30, 31, высота 70 см; 3378-27, 33, 34, 35; № 5550-15, 16.

⁶ Колл. ГМЭ, № 3378-29, 30, 26, 31, 32.

⁷ Колл. МАЭ, № 2342-17; 439-11, 781-2 — все сосуды орнаментированы тиснением.

цилиндрической формы для воды и для молока.¹ Затем различные чашки для питья кумыса и кислого молока, ковши и черпаки для кумыса, иногда орнаментированные блюда и корытца для мяса и жира.² Значительное место среди деревянной утвари занимали разные деревянные подставки под саба с кумысом, под ящики с одеждой, предохранявшие сосуды и ящики от сырости земляного пола юрты.³ Иногда из дерева делали и ящики для хранения платья и небольшие шкапчики для посуды, размеры которых ни в одном из измерений не превышали 1 м и, следовательно, были достаточно удобны для вьюка.⁴ Приведенный перечень деревянной утвари можно дополнить указанием на сосуды для сбивания масла, деревянные ступки, палки для взбалтывания кумыса.⁵ Наконец, необходимо указать еще на утварь, изготовленную из войлока, материала также удобного и доступного для кочевника-скотовода. Она представляла собой чехлы, надеваемые на деревянные сундуки при перекочевке, охватывающие дно, бока и крышку, предохраняющие сундук от сильных ударов во вьюке. Чехлы эти обычно были орнаментированы в виде цветной аппликации из ткани.⁶

Среди чехлов были специальные для надевания на концы навьюченной решетки жилища (кереге), чтобы они не били бока навьюченного животного. Такие чехлы украшались иногда цветной бахромой.⁷ Из войлока шились сумки—„кап“—для перевозки деревянных чашек.⁸ Деревянная посуда, ввиду сложности ее изготовления, особенно чашек, ценилась, и поэтому казахи при перевозке укладывали ее в кошменные чехлы, чтобы предохранить от поломки.⁹ Футляры эти также украшались нашитыми резными кусочками цветной материи. Однако наиболее важное место

¹ Колл. ГМЭ, № 1062-97, — ведро, высота 38 см, диаметр 24 см; 5550-20, 22, 11 — ведерки, диаметр 12—13 см, диаметр 20—26 см.

² Колл. ГМЭ, № 1062-89, 90, 91, 92 — чашки деревянные для питья кумыса, диаметр от 5 до 18 см, глубина 5—6 см; 1062-85, 86 — чашки деревянные для кумыса, орнаментированные бороздками, диаметр от 31—58 см, глубина 13—20 см; 1471-44 — ковш для кумыса с плоским дном, глубина 5.5 см, диаметр 12 см; 1062-93 — то же, глубина 4 см, ширина 17 см, длина ручки 44 см; 1471-45 — ложка старинная для кумыса; 1062-87, 98 — блюда для кумыса и для кислого молока, общий диаметр 31—50 см; 1062-95, 96 — корытца для мяса и для кислого молока, длина 74 см и 103 см, ширина 30 и 32 см, глубина 14—17 см.

³ Колл. ГМЭ, № 4532-25 — подставка под саба, наибольший диаметр 94 см, высота 47 см; 1062-133-134 — подставка под ящики, длина 68 и 80 см, ширина 40 и 20 см.

⁴ Колл. ГМЭ, № 1062-130, 131, 132 — „кебеже“ — ящики деревянные на низких ножках, старинные для хранения платья, наибольшая длина 99 см, наибольшая ширина 49 см, наибольшая высота 49 см; 1062-60 — шкапик разборный для посуды, высота 87.5 см, ширина 75 см, глубина 18 см; 1062-135 — то же, размеры: высота 66, длина 51 см.

⁵ Колл. ГМЭ, № 1062 — майчелек — для сбивания масла, высота 91 см; 4532-38 — деревянная ступка, высота 14 см, диаметр 20 см.

⁶ Колл. ГМЭ, № 1062-75, 76 и колл. ГМЭ, № 4232-24; колл. МАЭ, № 1287-2, 3; 410-20; 1753-5.

⁷ Колл. ГМЭ, № 5432 — кереге-кап — кошменный чехол, надевающийся на концы сложенного кереге при перевозке, длина 72, ширина 32 см.

⁸ Колл. ГМЭ, № 5525-38, 39, 36; 1062-77; 4532-23.

⁹ Футляры для деревянных чашек: колл. № 3378-37; 5525-35, 37.

среди кошемных изделий в жилище занимали постельные кошмы и различные коврики для постилания на пол или для развешивания на стены юрты.¹ Эти ковры особенно богато орнаментировались техникой цветной аппликации.²

Остается еще сказать, что постоянное пребывание кочевника-казаха в степи научило последнего использовать разновидность степного ковыля *Lasiogrostis splendens*, по-казахски „чий“, высота коего достигает почти 2 м.³ Из стеблей чия казахи плели циновки, часто переплетая стебли цветной шерстью таким образом, что на циновке получался цветной узор.⁴ Циновки шли на обертывание деревянной решетки юрты, служили в качестве ширмы, отделяющей в юрте кухню, были необходимы при катании войлока, на таких же циновках сушили сыр.

После краткого обзора утвари и посуды у кочевников-казахов нужно отметить, что утварь эта, особенно посуда, была весьма немногочисленна, что вызывалось кочевым образом жизни, и поэтому часто одна и та же посуда в целях экономии, служила для разных целей (например блюда для мяса употреблялись и для кислого молока). В этом отношении большое значение имело и то обстоятельство, что у казахов-кочевников семья ела не одновременно, а по очереди, по старшинству, благодаря чему семья вполне обходилась и тем небольшим количеством посуды, которое было так характерно для кочевников.

Переходя к характеристике особенностей пищи казахов, обусловленных кочевым образом жизни, необходимо подчеркнуть, что основой питания у них являлись мясо и различные молочные продукты. Формула китайских хроник относительно кочевников конца I в. до н. э. и первых веков н. э.: „Питаются мясом, пьют кумыс“ или „питаются мясом скота, пьют его молоко“⁵ — полностью применима и к казахам-кочевникам. Это вполне естественно, так как основной отраслью производства при кочевом образе жизни было скотоводство при полном отсутствии земледелия. Отсюда также становится понятным и то обстоятельство, что хлебная, мучная пища у рядовых скотоводов занимала в питании ничтожную долю, и продукты для нее приобретались путем обмена или покупки. Зато мясная и, особенно, молочная пища отличалась большим разнообразием, свидетельствующим о ее древности и повседневности.

Краткое рассмотрение этих видов пищи удобнее начать с молочных продуктов. Молочные продукты употреблялись казахами в жидком (различные напитки) и твердом (сыры) виде. Исключительная простота и быстрота приготовления жидкой молочной пищи как нельзя более

¹ Колл. ГМЭ, № 4532-22, 23, 29; 5525-28, 30, 31, 33; 1037-5; 1062-71, 72, 73, 74.

² См. Казахский народный орнамент. Изд. „Искусство“, М., 1939.

³ Стебли чия: колл. ГМЭ, № 1037-1, 2, 3, длина 175 см.

⁴ Колл. ГМЭ, № 1037-4 — „циновки из чия с цветным узором. Узор — полосы, шеврон, лесенка, в середине шестиугольника лесенки ступенчатый крестик, в середине часть ступенчатого шестиугольника“.

⁵ Иакинф, I, стр. 2, 251, 268 и др.

соответствовали кочевому быту казахов. При частых и длительных передвижениях, связанных с необходимостью большую часть времени дня находиться в седле, жидкая молочная пища в теплое время года была весьма удобна для наездника. Она висела тут же рядом, в кожаной посуде, привязанной к седлу, и чтобы утолить голод или жажду не нужно было даже слезать с седла. Значение этой пищи особенно возрастало в летнее время, когда казахи кочевали в безлесных местах под палящими лучами солнца. Из молочных напитков у кочевников-казахов первостепенное значение имел кумыс, приготовленный из кобыльего молока. Это весьма древний напиток, известный нам по сообщению Геродота (V в. до н. э.), по упомянутым выше китайским хроникам, позднее, в средние века (XIII в.) по описанию путешественников Плано-Карпини, Рубрука и др.

„Кумыс общеизвестный, высоко диетический продукт питания, заключает в себе в хорошо усвояемой форме все необходимые для питания человека составные части: белки, углеводы, жиры и минеральные соли“.¹ Его изготавливали путем заквашивания свежего кобыльего молока. Кочевники заквашивали его каждую весну либо специально сохраненным в замороженном виде кумысом, либо сухим в виде творожистых крупинок, оставшихся на стенках кожаных сосудов, где хранился кумыс, собранных и высушенных, либо копчиковой костью лошади. Во всех случаях закваски происходит молочно-кислое и спиртовое брожение кобыльего молока, в результате чего и получается этот прекрасный напиток, популярный и в современном медицинском мире. Изобретение кумыса несомненно принадлежит кочевникам, зарождение настоящего кочевания у которых было связано с разведением лошадей, как более выносливых и подвижных животных. Натолкнуться на это изобретение было довольно легко именно при кочевом образе жизни. Подоенное кобылье молоко, слитое в кожаный сосуд-мешок (из сыромятной кожи), подвергшееся взбалтыванию при езде в жаркий летний день, дало кумыс само собой. Стоило затем однажды утолить жажду этим напитком, легким, бодрящим, даже слегка пьянящим, как качества его были открыты и постепенно усовершенствованы приемами изготовления. Впрочем, в приемах изготовления кумыса у казахов до последних дней сохранялись все основные элементы, которые в древности, будучи соединены случайно или сознательно, дали первый кумыс. Кумыс казахи делали в кожаной посуде и лучшим считали тот, который долго и равномерно болтался в кожаном мешке во время длительного пути. Приготавливая кумыс на летних длительных стоянках, его постепенно взбалтывали в кожаной посуде при помощи специальной деревянной болталки-мутовки („пскек“). Так, вероятно, был открыт кумыс — любимый напиток кочевников, в том числе и современных казахов, неперенный участник всех торжеств и особенно свадебных в качестве первого угощения. Кумыс воспет у них в песнях, вошел в пословицы, поверья,

¹ Н. А. Трофимук. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана. Казахи, III, стр. 177, 180.

поговорки. Качество хозяйки дома оценивали по умению приготовить кумыс. Выплеснуть из чашки недопитый кумыс считалось грехом. Приготовление и употребление кумыса породили изготовление специальной посуды, часто любовно украшенной. Напиток, типа кумыса, казахи приготавливали из верблюжьего молока под названием „шубат“. Из других напитков у казахов нужно назвать „катык“ из коровьего или овечьего молока, которое сначала кипятили, заквашивали в теплом виде, ставили в теплое место и перед употреблением размешивали; затем „айран“ — густое кислое молоко, но жиже катыка. Айран делали так же, как и катык, только в молоко перед кипячением добавляли одну треть воды, затем уже заквашивали. Кроме перечисленных напитков, из кислого молока делали „ыркыт“. Для этого катык или айран хранили до 15 дней, ежедневно добавляя в него свежего или кипяченого молока. Отметим еще один напиток, приготавливавшийся только пастухами овец. Взяв с собой чашку кумыса, обычно в высушенный бараний желудок, пастух добавлял в нее потом несколько чашек овечьего кипяченого молока и получал напиток, называвшийся „койуртпак“. Кипячение овечьего молока производили весьма древним способом, в кожаной или деревянной чашке, посредством опускания в него раскаленных камней.¹

Из сделанного краткого обзора молочных напитков у казахов видно, что все они представляли собой напитки из кислого молока. Последнее обстоятельство необходимо подчеркнуть, как нужно подчеркнуть и то, что кочевники-казахи, как и вообще азиатские кочевники, не пили сырого молока. Возможно, что кочевники привыкли к этому благодаря тому, что молоко у них хранилось в кожаной посуде и в летнее время быстро скисало. Кроме того, они могли подметить и более легкую усвояемость организмом кислого молока, большую утоляемость жажды. Во всяком случае употребление кислого молока в кочевых условиях жизни являлось наиболее целесообразным, здоровым, полезным, если иметь в виду различные желудочно-кишечные заболевания, сопутствующие употреблению летом сырого молока, особенно в условиях, исключающих основные требования санитарии и гигиены.

В связи с особенностью кочевого образа жизни находилось и консервирование молочных продуктов у казахов с целью запаса, заготовки их на зимнее время, когда скот перестает доиться. Это достигалось путем переработки молока в масло и сыры. Изготовление масла у казахов производилось сбиванием вручную мутовкой — „пскек“ подогретого айрана или ыркыта. Этот способ переработки и консервирования молока, вероятно, весьма древний. Легко допустить, что уже ранние кочевники могли натолкнуться на идею приготовления масла сбиванием, получив неоднократно масло естественным путем, при длительной перевозке того же айрана или ыркыта в хорошо закрытой посуде. Сбитое масло казахи хранили смешанным с солью в бараньем желудке, туго завязывая его

¹ Подробно об изготовлении различной молочной пищи у казахов см.: Ф. А. Ф и е л ь - с т р у п. Молочные продукты турков-кочевников. Казахи, III, 1930.

отверстие. Наиболее удобным для хранения, в смысле срока, являлся кислый сыр различных сортов, среди которых первое место занимал „курт“. Приготавливался он из айрана или ыркыта после сбивания масла из них путем выпаривания в котле, пока жидкость не сгущалась. Затем эту густую жидкость отжимали в руках, делали из нее колобочки или лепешечки и сушили их на солнце. В таком виде курт запасался на зиму.¹ Пресный сыр „эремшик“ делали из нагретого свежего овечьего или коровьего молока, заквашенного кислым молоком, кипятя его до пожелтения или покраснения. Полученный таким образом творог, сушили в юрте или на солнце в мешке, иногда предварительно отжимали творог в мешке под прессом.² Заготовленный сыр являлся основным видом зимней пищи кочевников наряду с мясом. Сыр „ырымшак“ толкли в мелкий порошок, обливали маслом и полученную массу хранили в овечьем желудке. Этот продукт назывался „джент“.³

Не ставя себе задачей исчерпать все разнообразие видов сыров у казахов, мы перейдем теперь к обзору мясной пищи. Последняя занимала в питании казахов исключительно важное место в течение круглого года и особенно зимой, когда молочных продуктов было мало. Как правило, мясо употреблялось в вареном, но не жареном виде. Это обстоятельство находится, нам кажется, в теснейшей связи с особенностью утвари кочевников, в которой отсутствует глиняная и железная посуда, необходимая для жарения мяса, в то время как варить мясо можно было в деревянной и кожаной посуде, опуская в воду раскаленные камни. Наиболее любимым мясом считали мясо лошади и барана. Кости последнего встречены как в древних могилах Казахстана, периода бронзы, относящихся к II тысячелетию до н. э., так и в более поздних впускных погребениях.⁴ Мясо барана входило в число снаряжения покойника в загробный мир и полагалось с ним, видимо, в качестве наиболее употребительной пищи. О древности питания бараньим мясом у казахов говорит сложный и древний обычай распределения мяса при угощении.⁵ Почетными блюдами считались 6 пар симметрично расположенных костей: 1) тазовые кости, 2) коленные кости, 3) вышеколенные кости, 4) лопатки, 5) надлоктевые кости, 6) локтевые кости. Ребра шли в прибавку к указанным почетным блюдам. Десять задних ребер раскладывали на первые четыре блюда: к тазовым костям прибавляли по три ребра, к коленным костям по два ребра, на остальные четыре пары блюд — длинные ребра, по два на каждое блюдо в отдельности. Хвостовые кости отдавали

¹ Колл. ГМЭ, № 1062-120 — образцы „курта“; колл. МАЭ, № 1753-7; 1749-20; 411-15.

² Колл. ГМЭ, № 1062-122 — образец „эремшика“ из коровьего молока; колл. МАЭ, № 1749-19; 1753-9; 411-16; этот сыр называли еще „ырымшак“.

³ О нем см.: М. Чорманов, указ. соч., стр. 17.

⁴ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане. Сборн. „Казахи“, II, 1927.

⁵ Ильминский. Древний обычай распределения мяса, сохранившийся у киргизов. Изв. Археол. общ., т. II, вып. III. Ср. у монголов: Галсан, Гомбоев. Прим. на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву (Изв. Археол. общ., т. II, вып. III, 1861).

дочерям, груди́ну молодому зятю, за отсутствием такового дочери или жене, шея отдавалась пастуху, оконечности ног и почки ребятишкам, подкладываям под котел кизяки, а кишки женщинам, очищавшим внутренности и варившим мясо. При усыновлении чужого ребенка обязательно сзывались почетные старики, кололи барана, и усыновлявший давал в руки усыновленного коленную кость, без этого усыновление не считалось законным. Порядок распределения почетных блюд по степени почетности гостей соблюдался настолько строго, что если почетному гостю подавали блюдо низшее по рангу, то он считал себя глубоко оскорбленным и устраивал скандал.

Кочевники-казахи заготавливали мясо лошадей и баранов впрок путем копчения, соления и замораживания в зимнее время. Для заготовки впрок предпочиталось мясо заживевших яловых кобылиц и как лакомое кушание — мясо жеребят. Предназначенное к заготовке солением и копчением мясо резали на куски. Таким же образом приготавливали к солению или копчению и мясо барана и сайги (*Antilope saiga*). Излюбленным способом при копчении мяса лошади являлось приготовление копченой колбасы, называемой „казы“ или „чужук“. Заготовка копченого мяса происходила обычно поздней осенью, когда приходилось жечь больше топлива. Для приготовления колбасы брали неполные ребра жирных лошадей, разделяли их по одному, с принадлежавшей к каждому частью брюшного жира, и, посолив, вкладывали в вымытые кишки, которые крепко завязывали с обоих концов. Приготовленная таким способом колбаса называлась „чужук“.¹ Колбасы или просто куски мяса привешивали в жилых юртах к дымовому деревянному кругу „чангараку“, где оно быстро прокапчивалось и в таком виде могло сохраняться до будущей осени. Открытие консервирующих свойств дыма для мяса, вероятно, было сделано кочевниками и также опытным путем. Долгая сохранность мяса, подвешенного внутри кочевого жилища, всегда наполненного дымом с наступлением холодов, могла быть легко подмечена. В летнее время кочевые казахи предпочитали держать мясо в живом виде. При убое животного его быстро съедали. Возможно, что трудностью продолжительного сохранения свежего мяса летом в жару объясняется столь долгое сохранение обычая взаимного надения мясом заколотого животного ближайших соседей, возникшего в глубокой древности под влиянием первобытно-общинного строя. Первоочередный убой животных для питания летом, хорошо известный у кочевников, в позднее время имел смысл именно в том, что таким путем обеспечивалась возможность довольно регулярного потребления свежего мяса в жару.

Среди богатых кочевников-казахов и среди полуоседлых, производящих посев на зимних стоянках, в питании казахов вошло употребление проса, из которого делали различные похлебки и муку. Из последней делали тесто и обжаривали его в виде мелких кусочков в бараньем жиру; это популярное блюдо называлось „баурсак“.

¹ Вл. Герн, указ. соч., стр. 30. Памятная книжка Семипалатинской обл. за 1899 г.

Переходя к рассмотрению особенностей одежды казахов, вызванных кочевым образом жизни, отметим прежде всего широкое употребление в качестве материала для одежды и обуви шкур, шерсти и кожи разводимых кочевниками домашних животных. Из шкур овец, выделанных домашним способом, казахи шили шубы, тулупы, полушубки. Для шитья шуб употребляли обычно зимние шкуры, как наиболее теплые и прочные. Для детских шуб употребляли мерлушки, шкурки с выкидышей ягнят 3—4 месяцев. Овечью шерсть подстегивали ровным слоем при шитье верхней женской одежды, безрукавной и с рукавами, при шитье теплых мужских штанов из покупной фабричной ткани.¹ Из выделанной козлиной кожи шили штаны и куртки.² Из войлока делали шапки и теплые чулки.³ Из шерсти верблюда выделявали грубое сукно, из которого шили просторную плечевую одежду, на верблюжьей подкладке — „шекпен“.⁴ В некоторых местах у казахов-кочевников сохранялось изготовление весьма древнего типа одежды под названием „купы“. Оно описано в этнографической литературе следующим образом: „При стрижке верблюда слой шерсти снимается с плотно слежавшимся и перепутавшимся, как войлок, подшерстком. Таким слоем шерсти без дальнейшей его обработки подбивается купы. Для того чтобы шерсть держалась, она простегивается продольными полосами на расстоянии, примерно, десяти сантиметров одна от другой. Таким путем получается очень теплая одежда. Купы, на основании палеоэтнологических данных, следует рассматривать как очень древний тип одеяний турков, и можно с уверенностью сказать, что это примитивное одеяние является культурным достоянием казахов и их предков в течение по меньшей мере двух тысячелетий“.⁵

Кочевой образ жизни казахов повлиял на покрой одежды. Отметим некоторые характерные особенности в этом отношении. Необходимость частого и длительного пребывания в седле заставила казахов-кочевников шить одежду длиннополой, широкой, запахивающейся пола на полу, подпоясываемой кушаком или поясом.⁶ Эти особенности одежды способствовали свободе движения кочевника во время верховой езды и помогали ему в холодное время года сохранять тепло. Рукава верхней теплой одежды шились длинными, широкими в плечах и узкими к концу. При таких рукавах руки не мерзли, так как руки всегда можно было поджать внутрь рукава, одновременно зажав пальцами отверстие рукава.⁷ Желание сохранить большую свободу движения кочевнику породило и мужскую и женскую взрослую и детскую безрукавную одежду,⁸ ибо надевание

¹ Колл. ГМЭ, № 1062-38, 40, 27, 28, 10.

² Колл. ГМЭ, № 1471-39; колл. МАЭ, № 439-13.

³ Колл. ГМЭ, № 1062-5а, 6.

⁴ Колл. ГМЭ, № 1062-13; 1471-4, 5.

⁵ С. Руденко. Очерк быта казахов бассейна рр. Уила и Сагыза. Казахи, I, Л., 1927, стр. 18.

⁶ См. колл. ГМЭ, № 1062-13.

⁷ Колл. ГМЭ, № 1062-12, 13, 24, 40, 45, 48.

⁸ Колл. ГМЭ, № 1062-11, 38, 27, 46, 23.

в холодное время несколько верхних одежд с рукавами весьма стесняет свободу движения, столь необходимую для подвижного образа жизни кочевника. Мужские и женские штаны шились сходными по покрою, непременно широкими, на вздержке,¹ удобными при посадке на седло или при слезании с него, и были весьма сходны с подобной одеждой ранних кочевников Монголии, образцы которой дошли до нас как в натуральном виде в погребальных памятниках, так и в виде изображений. Сходство мужского и женского костюма у казахов уже отмечалось в литературе.² Оно несомненно обуславливалось необходимостью для обоих полов кочевников значительную часть времени пребывать верхом. В отношении обуви это сказалось, например, в широком покрое голенища, удобном при ношении толстого войлочного чулка.³

При описанном широком и свободном покрое верхней одежды кочевников-казахов большое значение имел кушак или пояс. Значение пояса в одежде кочевых казахов обоего пола сказалось, между прочим, в стремлении украсить эту принадлежность одежды. Особенно красиво орнаментировали вышивкой пояс девушек.⁴ Мужские пояса были обычно ремennыми и украшались металлическими бляшками,⁵ чаще всего серебряными, роднящими их с весьма сходными поясными украшениями поздних кочевников Алтая, известным нам по археологическим находкам. Большое сходство с соответствующими предметами из древних погребений кочевников южной Сибири и Казахстана имеют также казахские женские украшения: золотые, серебряные и медные браслеты и серьги.⁶

Кочевой образ жизни наложил отпечаток и на искусство казахов. Не ставя задачи дать общий обзор и анализ этого искусства, мы отметим лишь те стороны и особенности его, которые выросли на почве кочевого образа жизни.⁷ Искусство казахов было приспособлено к обслуживанию кочевого быта. Оно выражалось в стремлении украсить различные, наиболее важные предметы кочевого быта и в первую очередь кочевое жилище, его обстановку, затем одежду, верховую сбрую и т. п. Вот почему особенное развитие у казахов-кочевников получила орнаментация различных войлочных изделий: ковриков на пол, на стену, чехлов, сумок, дверной кошмы и т. д., шерстяных изделий, например,

¹ См. coll. ГМЭ, № 1062-2; 1471-18 и 30.

² Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894, стр. 12.

³ Coll. ГМЭ, № 1062-6.

⁴ Coll. ГМЭ, № 1062-39; coll. МАЭ, № 1287-19 — пояс с серебряными бляшками; 403-9 и 11 — то же; 439-15 — пояс с позолоченными бляшками и с вставками из сердолика.

⁵ Coll. ГМЭ, № 1062-14; 1037-8.

⁶ Coll. ГМЭ, № 838-5, 13; 1062-54, 55 и др.; 1062-50, 51, 52.

⁷ Об искусстве казахов см. например: Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.; С. М. Дудин. Ковровые изделия Средней Азии. Сборн. МАЭ, VII; его же. Киргизский орнамент. Журн. „Восток“, № 5, 1925; Е. Р. Шнейдер. Казахская орнаментика. Сборн. „Казахи“, II, Л., 1927; В. Чепелев. Об искусстве казахского народа. Журн. „Искусство“, 1937, № 4; Казахский народный орнамент. М., 1939; Б. А. Куптин. Киргиз-казаки. Этнол. очерки, № 2, М., 1926.

широкой тесьмы, обтягивающей жилище снаружи и внутри, кожаных изделий, деревянных предметов — подставок для кумыса или ящиков, чашек, металлических и костяных украшений. Первобытное разделение труда между полами, характерное для кочевников, отразилось и на орнаментальном искусстве казахов. Орнаментация войлочных и шерстяных предметов, как и само изготовление их, являлась делом женщины. Напротив, орнаментация деревянных, металлических и костяных предметов, как и само изготовление их, была делом мужчины. Особенности техники производства у кочевых казахов, описанные выше, отразились и на технике орнаментации соответствующих предметов. Нанесение орнамента у казахов для войлочных изделий производилось путем накатывания узора из цветной шерсти на войлок, путем аппликации, инкрустации из кусочков цветного войлока. На кожаных изделиях узор производили тиснением. Деревянные, металлические и костяные предметы орнаментировались путем резьбы. Все эти способы орнаментации были известны уже в период ранних кочевников. Наиболее примитивным и, вероятно, древним способом получения узора на войлоке было наложение на почти готовый войлок того или иного узора из цветной крашеной шерсти. После этого весь войлок смачивали горячей водой и докатывали до конца.¹ Крашеный войлок известен по археологическим находкам, относящимся к ранним кочевникам Алтая (VII в. до н. э., I в. н. э.). Также древним нужно признать и весьма распространенный у казахов способ орнаментации войлока техникой аппликации, известной и ранним кочевникам Алтая. При этом узор вырезался на куске различной формы (квадрат, полоса, треугольник) цветной материи (кумач, далимба, цветное сукно) и накладывался на войлок. Накладывался и оставшийся при вырезании узора фоновый рисунок, и чередование, или другая композиция их составляли орнамент. У ранних кочевников Алтая при орнаментации войлока аппликацией применялись кожа и войлок.

По краю накладываемого цветного узора прокладывали двойной шнурок из крученых ниток, который прикреплялся вместе с материей к войлоку редкими стежками, перпендикулярными к направлению контура.² При нанесении орнамента способом инкрустации узор образовывался от сшивания отдельных кусков войлока различного цвета.³ К этому необходимо добавить, что казахи, как и ранние кочевники Алтая, украшали некоторые войлочные изделия и ковры еще и бахромой из окрашенного конского волоса.⁴ Кочевой образ жизни казахов отразился на художественных изделиях из войлока и в смысле ограничения их размера. Здесь не было таких больших настенных ковров или ковров для постилания на пол, какие выделывают, например, полуоседлые и перешедшие на оседлость туркмены.

¹ Колл. ГМЭ, № 1062-74; 4632-22.

² Колл. ГМЭ, № 5525-33; см.: Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 137.

³ Колл. ГМЭ, № 1062-72, 71; 1037-5.

⁴ Колл. ГМЭ, № 1062-71.

Техникой узорного тканья изготовляли широкие полосы для стягивания решетки юрты и обвязки кошемого покрытия. Ткали эти, нередко орнаментированные, полосы на маленьком примитивном ткацком станке, легком и удобном для перевозки, установка которого, как и снятие, могло производиться моментально.

Деревянные и костяные предметы украшали орнаментом при помощи резьбы. Особенно широко была распространена резьба по дереву, выполнявшаяся при помощи четырех технических приемов: контурной резьбы, трехгранно-выемчатой, барельефной и выдалбливания фона узора, прорисованного по наложенному трафарету.¹ Резьба по кости сводилась к вырезыванию отдельных пластинок различной формы, иногда ажурных, закрепляемых на украшаемые предметы.² Орнаментация кости производилась прорезыванием контурных углублений линий, кружков, точек.³ Последнее обстоятельство также роднит сохранившееся до наших дней искусство казахов-кочевников с аналогичным искусством кочевников Алтая VII в.

Следует отметить у кочевников-казахов довольно развитую и богатую по орнаментации резьбу по камню на надгробных памятниках. Узор предварительно прорисовывался на камне по трафарету.⁴ Искусство обработки камня было знакомо и кочевым тюркам Алтая I тысячелетия н. э., оставившим нам образцы его в виде высеченных каменных человеческих изваяний.

Изготовление металлических украшений узды и вообще верховой сбруи, а также поясных наборов и орнаментация их были еще недавно весьма развиты у кочевых казахов подобно тому, как оно было развито и у кочевников Алтая еще в VI—X вв. Оно имеет прямую связь с кочевым образом жизни, ибо стремление украсить сбрую у кочевников вытекало из того огромного практического значения, которое она имела для повседневной жизни кочевника.

Если обратимся к орнаментальным сюжетам казахов, то и здесь найдем ряд мотивов, явившихся отражением значения в кочевой жизни казахов тех или иных предметов, животных, птиц и т. д. Голова лошади, рога барана, баран, лошадь, след и горб верблюда, беркут или его лапа, дерево, лист, кожемялка — вот перечень сюжетов, которые, преимущественно в стилизованном виде, составляли основное содержание казахского орнамента.⁵ С. Дудин приводит сообщение кочевников о том, что среди растительного орнамента у них часто попадаются листья и цветы растений, любимых скотом, а также и лекарственных трав.⁶

Закончив обзор особенностей материальной культуры казахов, обусловленных кочевым образом жизни, необходимо указать, что особенности

¹ Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 144.

² Там же, стр. 144.

³ С. Дудин. Киргизский орнамент, стр. 170.

⁴ Колл. ГМЭ, № 4532-40; 3378-61, 62.

⁵ Казахский народный орнамент, стр. 4; Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 147.

⁶ С. Дудин, указ. соч., стр. 172.

эти не ограничиваются только материальной культурой. Кочевой образ жизни скотоводов, возникший на определенной и довольно ранней ступени развития производительных сил в определенной географической среде, наложил известный отпечаток и на социальную и духовную жизнь кочевников-скотоводов. Общественно-экономические отношения, фольклор и религиозные воззрения кочевников также в той или иной степени испытали влияние этого своеобразного способа жизни, но описание и анализ этих вопросов не входит в задачу нашей работы.¹

¹ Некоторые особенности общественных отношений у кочевников освещены в нашей работе „Ранние формы феодальных отношений у кочевников“ (Зап. Хакасск. научно-иссл. инст. языка, лит. и истории, вып. 1, Абакан, 1943).